

Рязанов
Эльдар

1985

Сов. Россия, 1985, 5 июня, № 123.

Открыть неожиданное

Эльдар Рязанов — о работе с актерами

Кинорежиссер Эльдар Рязанов совсем не случайно дал одной из своих книг такое, казалось бы, парадоксальное название: «Грустное лицо комедии». Ведь фильмы Рязанова и вправду открыли каскад легчайших, мимолетных превращений смешного в трагическое, неожиданных переходов от юмора к щемящей грусти... Неожиданным у Рязанова очень часто бывает и выбор актеров — это не только открытие неизвестных прежде имен, но и открытие новых граней в творчестве мастеров широко известных.

— Я очень люблю актеров, — говорит Эльдар Александрович. — Потому что мне интереснее всего в искусстве — человек, извивы его психологии, изменения чувств, настроения... Больше всего я ценю в актерской игре импровизационность, парадоксальность, неожиданность. Хорошо, когда на съемочной площадке все происходит иначе, чем первоначально представлялось, — разумеется, не потому, что у артиста вдруг разболелась голова, а у осветителя с утра дурное настроение. Я сознательно стремлюсь к тому, чтобы создать обстановку полной свободы и абсолютно доверия. Тогда во всю расцветают сотворчество, раскованность, выдумка, озорство, фантазия.

Самое неинтересное для меня — мелочная опека по отно-

шению к артистам. Я стараюсь добиться от актера такого состояния на съемочной площадке, чтобы открылись сокровенные глубины его души, проснулись вольные силы, которые выплескиваются иногда неожиданно для него самого. Именно в подобных всплесках ощущается неповторимость, актерская и человеческая. Такие проявления — самое дорогое в работе, они необычайно обогащают образ. Если удастся добиться, чтобы на экране действовал реальный, живой человек, а не искусно изображающий артист, можно сказать, что достигается самая высокая степень совместного актерского и режиссерского творчества.

— Эльдар Александрович, идете ли вы на сознательный режиссерский риск в выборе актера?

— Обычно я рискую сознательно. Бывает так, что интуитивно чувствуешь: именно этот актер необходим в картине.

Когда-то на роль героини «Гусарской баллады» я мог пригласить актрису более опытную, чем Лариса Голубкина, тогдашняя студентка ГИТИСа. Ведь чтобы справиться с таким разнообразием актерских задач, нужен был высокий профессионализм. А Лариса, обладая многими способностями, еще ничего не знала и не умела. Утвердив ее, я не только рисковал, но и ввалил на себя довольно тяжелую ношу.

Многих удивило приглашение Смоктуновского на роль Деточкина в фильме «Берегись автомобиля». Ведь Иннокентий Михайлович до этого играл роли классического репертуара — Гамлета, князя Мышкина. Меня более всего привлекла в нем странность, столь необходимая для образа Деточкина: ведь он странный и естествен в одно и то же время...

Рискованным мог показаться

выбор Андрея Мягкова на главную роль в картине «Пропия судьбы». Его знали как хорошего драматического артиста, но в комедийные его возможности не очень-то верили. На мой взгляд, Андрей Мягков так же, как и Лия Ахеджакова, принадлежит к редким артистам, которые способны на изумительные импровизации.

— Однажды по отношению к своим героям вы употребили выражение «шкала человеческой порядочности». Пользуетесь ли вы этой шкалой в отношении артистов?

— Я стараюсь работать с людьми, которых хорошо знаю, с теми, кто способен на самоотверженность, увлеченность творчеством, самопринятию. К сожалению, «генный» и «злодейство» — вещи, порой совместимые в жизни, и не всегда талант соединяется с подлинной интеллигентностью, порядочностью. Если режиссер испытывает нелюбовь, отвращение к человеческим свойствам артистов — дело плохо, потому что это неминуемо скажется на качестве картины. В том случае, когда

в новом человеке, приглашенном на роль, обнаруживается эгоизм, тщеславие, зазнайство, жадность, — после съемок мы расстаемся с ним навсегда.

— Что вы считаете истинной интеллигентностью?

— Духовность. Которая присутствует в человеке независимо от образования, профессии, места жительства... Интеллигентность нельзя привнести извне или «приобрести» вместе с дипломом. Интеллигентность — это способность ставить интересы других людей, интересы народа выше собственных... В конечном счете все профессиональные качества в искусстве тесно связаны с человеческими, зависят от них.

— Нередко случается, что режиссеры проходят мимо талантливого артиста. Чем это можно объяснить?

— Конечно, хорошо, если режиссеру удастся сохранить в себе непосредственность, свежий и даже в чем-то наивный взгляд на окружающее, если он сумел сберечь способность удивляться и противостоять равнодушию... И все же

есть много талантливых артистов, которых я очень люблю, но у меня не возникало желания их снимать, потому что я просто не мог представить их в своих фильмах.

И потом: в искусстве талант развивается по-разному. Некоторые — это относится и к актерам, и режиссерам, и писателям — формируются рано и врываются в мир сцены, кино, литературы внезапно. Они быстро входят в моду, становятся известными. Но лишь очень немногим удается удержаться на высоте долгие годы. А у других — могу назвать Иннокентия Смоктуновского, Анатолия Папанова, Олега Басилашвили, Валентина Гафта — талант крепнет, мужает, растет, набирает силу постепенно, но неуклонно — вместе с возрастом, опытом. И в подобных случаях, как правило, остается на всю жизнь.

— Что для вас означает выражение «муки творчества»?

— Совершенно ничего. Для меня это работа, и главное — терпение.

И. МАКСИМОВА.